

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА ГАНСА КЕЛЬЗЕНА: РЕЛЯТИВИЗМ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРИЧИННОСТИ

А. Б. ДИДИКИН

Томский государственный университет,
Институт философии и права СО РАН

abdidikin@bk.ru

ANTON DIDIKIN

Tomsk State University, Institute of Philosophy and Law, Russia

LEGAL PHILOSOPHY OF HANS KELSEN: RELATIVISM AND CAUSALITY RETHOUGHT

ABSTRACT. The paper attempts to analyze the historical, philosophical and methodological aspects of the philosophical and legal views of Hans Kelsen as interpreted from the point of view of the 'classical' theories of natural law, obligations and justice. The author outlines the main concepts and categories of normativity in the context of the principle of relativism and discusses some features and applications of the principle of relativism in the cognition of legal reality, and reconsideration of causality in the legal field. Attached is a translation of Kelsen's important article "Causality and Imputation" (1950).

KEYWORDS: normativity, being, obligation, basic norm, causality, the Greek term *aitia*, imputation, absolutism, relativism, the philosophy of law, Heraclitus, fr. 94 DK.

* При поддержке Программы «Научный фонд им. Д. И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015 г.

Философское и научное наследие Ганса Кельзена. Отношение к научному наследию известного австрийского ученого и мыслителя Ганса Кельзена (1881–1973) в России было и остается неоднозначным и двусмысленным. С одной стороны, нормативизм (или «чистая теория права») изучается во всех юридических вузах и является одной из основ восприятия различных концепций сущности права. С другой стороны, наследие Кельзена в различные периоды его жизни не только игнорируется, но и практически не изучается – за последние два десятилетия не появились ни одной диссертации или монографии, посвященных малоизвестным страницам трудов Кельзена, многие научные статьи Кельзена до сих пор не переведены на русский язык. О Кельзене как философе, и в том числе как историке философии, не упоминается порой даже в философских и научных обзорах.

Исключение составляют публикации российского ученого-правоведа М. В. Антонова (Антонов 2010, 812–825; Антонов 2011, 499–510), в том числе его *СХОЛН* Vol. 9. 2 (2015)

© А. Б. Дидикин, 2015

www.nsu.ru/classics/schole

многoletняя работа по публикации переводов отдельных работ Кельзена (Кельзен 2015; Познер 2010, 181–208), а также публикации А. А. Краевского (2009, 429–432; 2010, 790–812). Кроме того, помимо известного с конца 80-х гг. перевода «Чистого учения о праве» (новая и полная версия этого перевода опубликована М. В. Антоновым) существуют переводы отдельных произведений Кельзена и их фрагментов на русском и украинском языках, что в целом совершенно недостаточно для комплексного изучения его научного наследия (Кельзен 1987, 1999; 2004; 2006; Афонасин, Дидикин 2006).

Правовые взгляды Кельзена в области конституционного и международного права также практически неизвестны постсоветской юриспруденции (поскольку статьи Кельзена 40-50-х гг., посвященные теории демократии и международному праву, недоступны в переводах и не цитируются учеными в оригинале), за исключением недавней публикации в Украине 2014 г. (Коваль 2014, 68–72).

Между тем, будучи последователем Марбургской школы неокантианства в период до эмиграции Ганс Кельзен создает «чистую теорию права», основываясь на философско-метафизических представлениях о правовой реальности как соотношении бытия и долженствования, из которого и возникает в дальнейшем его представление о логической иерархии правовых норм во главе с «основной нормой» – философской конструкцией. Более поздний, «американский» период творчества Кельзена, также требует специального изучения, поскольку именно в этот период происходит уточнение позиций и понятийного аппарата нормативистского учения о праве, которое было распространено на проблемы философии, политологии, международного права.

Методологический принцип релятивизма. Нормативизм относится к числу наиболее известных концепций в философии права и аналитической юриспруденции, получивший также название «чистое учение о праве». Методологически это означало раскрытие сущности права вне зависимости от политических, социологических и психологических факторов, которые определяют социальные и исторические основания развития правовой системы. Критики Кельзена указывали нередко на то, что этот методологический проект не удался, и что его автор напрасно догматически поддерживал свою концепцию на протяжении всего творчества. Однако некоторые аспекты мировоззрения Кельзена и ставшие доступными его публикации позднего, «американского периода» жизни, позволяют более детально осмыслить его научные и философские взгляды о государстве и праве.

В 1948 г. Ганс Кельзен опубликовал в американском политологическом журнале статью, которая включается в круг его исключительно философских статей, – «Абсолютизм и релятивизм в философии и политике» (Кельзен 2014, 191–200). Статья сегодня интересна тем, как Кельзен обосновывает влияние философского мировоззрения на политические действия, многие из которых по своей сути обусловлены правовым регулированием. В частности, речь идет о том, что философские взгляды, определяющие существование базовых цен-

ностей как абсолютных, и существование абсолютной истины, способствуют обоснованию абсолютизма в политике, например, правомерности сохранения монархической формы правления и централизации государственного управления. Кельзен придерживается противоположной позиции – именно релятивизм, то есть философское представление о том, что не существует абсолютной истины и абсолютных ценностей ввиду того, что любое рассуждение и рефлексия определены социальными и историческими условиями (а в контексте нормативизма – правовыми нормами как моделью должного и правомерного поведения), позволяет развивать в государстве демократические институты и совершенствовать формы участия граждан в управлении делами государства. Несмотря на достаточно традиционную экстраполяцию философских понятий в область политической реальности, интересным представляется широкое использование Кельзеном принципа релятивизма при рассмотрении философских и правовых вопросов:

- соотношения бытия и долженствования в действиях субъектов права;
- критика теории естественного права;
- концепции относительного суверенитета государства;
- концепции признания в международном праве;
- правовые основания демократии в обществе (Дидикин, Оглезнев 2012, 15–21).

Кельзен синтезирует идеи философии неокантианства (прежде всего, Когена), неопозитивизма и классического правового позитивизма XIX века. Поэтому для его теории характерны такие принципы правового познания как дуализм «должного» и «сущего»; применение «чистого» юридического метода, свободного от политико-идеологических и аксиологических влияний; «монизм» правовой теории за счет признания нормативного единства существующего правопорядка; представление о государстве как персонификации правопорядка; логическая иерархия норм в правовой системе во главе с «основной нормой» в международном праве. Таким образом, монизм в теории Кельзена отражает такие принципы правового познания как принцип единства юридического знания (что обусловлено единством правовой системы) и принцип тождества государства и права.

Бытие и долженствование. «Чистота» и правовых понятий, и юридического метода обеспечивается, по мнению Кельзена, тем, что право принадлежит сфере «должного», а значит правовое мышление имеет дело лишь с долженствованием, выраженным в содержании правовой нормы (Kelsen 1951, 645–665). Правовое значение поведения как объективный смысл действий отличает их от природных явлений, подчиненных закону причинности (Kelsen 1950, 1–11). Как отмечает Кельзен, «норма функционирует в качестве схемы истолкования» (Кельзен 1999). Соответственно, результат нормативного толкования – суждения, наделяющие правовым значением акты поведения. Чем же определяется содержание правовых норм? Долженствованием, которое создает нормативный порядок, но не только в значении «может», но и в смысле «имеет»

право». То есть правовая норма и предписывает, и позволяет, она может содержать как дозволения, так и запреты, что уже напоминает разграничение видов правовых норм. Юридические акты выражаются через жесты, символы, устную речь, письменные документы. А долженствование придает юридическому акту смысл. И потому связующим звеном между нормой (долженствованием) и бытием (актом воли) является «действие». Таким образом, формы правового бытия образуют «действующие» правовые нормы, а содержание правового бытия составляет поведение субъектов (действие, бездействие), которых нормы права наделяют правовым статусом и приписывают юридические свойства их действиям (Оглезнев, Суровцев 2014, 293–302).

В «чистой теории права» право характеризуется нормативным порядком человеческого поведения и представляет собой систему правовых норм. Однако норма права может быть либо мысленным допущением, либо позитивно установленной нормой. В частности, мысленными допущениями нормативного характера являются правовые аксиомы («никто не может быть судьей в собственном деле»), правовые презумпции, фикции и правовые принципы.

Долженствование в теории Кельзена образует субъективный смысл акта воли. Поэтому если действие воспринимается субъективно как правомерное только тем, кто его совершает (например, требования грабителя), объективно оно является неправомерным. Если же такое действие воспринимается субъективно как правомерное с точки зрения субъекта действия и других лиц (требование должностного лица), то оно может быть правомерным, если соответствует закону.

Логическая иерархия правовых норм. В теории Кельзена обосновывается концепция логической иерархии (ступеней) норм в правовой системе. При этом нормативное единство правопорядка достигается на основе субординации правовых норм. Что же обеспечивает субординацию? Вслед за Г. Когеном и его идеей «государства как формы права» Кельзен считает, что государство не принадлежит эмпирической реальности, а соответствует определенному правопорядку, персонифицируя его. То есть помимо субординации нормативное единство правопорядка обеспечивается предположением о существовании «основной нормы». «Основная норма» – это допущение, обосновывающее «объективную действительность нормы, которая к чему-то обязывает». Но в отличие от категорического императива И. Канта у «основной нормы» отсутствует определенность, то есть неясно ее происхождение, природа, содержание и носитель (Оглезнев 2014, 303–311). Данная норма – вершина и основа динамики правопорядка, а ее теоретико-познавательная функция превращает ее в трансцендентально-логическую категорию. Кельзен рассматривает представление о естественном правопорядке, в котором нормы «естественного права» логически восходят к единому принципу и нижестоящие нормы логически выводятся из вышестоящих. В то же время в позитивном правопорядке содержание нижестоящих норм не заложено в содержании «основной нормы» и любая социальная норма может стать правовой, если введена с соблюдением

процедур. Таким образом, динамика правопорядка у Г. Кельзена – воспроизведение правом самого себя от общих норм к «индивидуальным нормам» в правоприменении (судебные решения).

Международный правопорядок и относительный суверенитет. В области международного права Кельзен является сторонником приоритета норм и принципов международного правопорядка перед национальным правопорядком. Международный правопорядок доминирует над национальным правопорядком, поскольку национальное право должно соответствовать «основной норме» международного права как критерию действительности и иерархической структуры национальной правовой системы. Однако Кельзен и его последователи отмечали, что в практике международного сотрудничества государств действуют, в том числе, политические правила игры, которые фактически сводятся к правилу «государства должны поступать так, как они обычно поступают». В таком случае позиция Кельзена о том, что нормы международного права определяют первичный статус государства как территориального образования, обладающего политической организацией и системой управления, соответствует его принципу релятивизма. Ведь в зависимости от принимаемых мировым сообществом оценок и мнений одни государства признаются государствами, а другие сохраняют статус непризнанных государств или же только движений, претендующих на независимость (Kelsen 1941, 607–608). Государство, безусловно, обладает суверенитетом во внутренних делах и в международных отношениях, но объем и уровень влияния государства в международном системе относительны, то есть, связаны с международным признанием такого государства в мировом сообществе. Таким образом, теория «относительного суверенитета» Кельзена основывается на том, что «основная норма» международного правопорядка ограничивает суверенитет государства и налагает на него международно-правовые обязательства.

Более значимыми и актуальными в свете современной международной обстановки являются представления Кельзена о концепции международно-правового признания легитимности правительства в государстве. Такое признание также базируется на принципе релятивизма, поскольку легитимность правительства определяется не формальным соблюдением норм Конституции (нормы Конституции подлежат изменениям, а любое изменение Конституции по Кельзену – революция), которое часто на практике невозможно при изменении политического режима, а международным признанием новых правителей, обеспечивающих порядок на территории государства (Коваль 2014, 68–72). Именно от наличия признания, полагает Кельзен, государство может иметь представителей в международных организациях и отстаивать национальные интересы. Отсутствие международного признания превращает новое правительство в нелегитимное даже в случае проведения новых выборов и изменения законодательства. Таким образом, признание выступает критерием относительной оценки легитимности государственной власти.

Конституция и демократия. Принцип релятивизма остается определяющим и в отношении представлений о демократии как политическом режиме и правовом государстве. Государство как субъект права формирует правопорядок и как правило тождественно ему – этот известный тезис Кельзена о тождестве государства и права по своей сути яркая иллюстрация принципа релятивизма. Поскольку демократия не сводится к принятию решений и утверждению законов большинством голосов, необходимо учитывать, что в условиях демократии присутствует уважение к чужим взглядам и необходимость защиты интересов меньшинства. Кельзен отмечает, что «движущим принципом всякой демократии в действительности служит не экономическая свобода либерализма, как иногда утверждали (ибо демократия может быть как либеральной, так и социалистической), а, скорее, духовная свобода» (Kelsen 1941, 20-21). Таким образом, правовое государство характеризуется демократическим режимом и конституционной моделью общественного устройства. Но Кельзен не абсолютизирует и не идеализирует возможности демократии. Парламент в лице политических партий представляет различные общественные интересы. А столкновение интересов способствует заключению разного рода «делок» между влиятельными политическими группами. Поэтому роль демократии в обществе ограничена и относительна, поскольку в таких условиях нет возможности достичь правильных и объективно обоснованных политических решений.

Кельзен проводит различие между формальной и материальной конституцией. Конституция – это вершина национальной правовой системы, «и в материальном смысле слова – это собрание норм, которые регулируют создание законов». Отсюда следует, что материальная Конституция определяет не только статус государственных органов и процедуры законотворчества, но также и содержание будущих законов через введение определенных запретов и дозволений. Соответственно, формальная Конституция – это письменный документ, собрание правовых норм, которые могут быть изменены лишь в установленном процессуальном порядке, цель которого состоит в том, чтобы затруднить изменение этих норм (Кельзен 1999, 8–9).

Нормативизм служит примером противоречия между правовым бытием и должествованием. Единственным связующим звеном между идеальными предписаниями правовой нормы и фактическими общественными отношениями является юридически значимое поведение субъекта права, правовая оценка субъективных действий и решений. Такая оценка имеет относительный характер и возможна лишь уполномоченными органами и должностными лицами, которые в силу предписаний правовой нормы наделены правовым статусом. В этом смысле критика теории естественного права также обусловлена тем, что вечные и неизменные принципы естественного права, по мнению Кельзена, выступают своего рода религией для сторонников этой теории. В то же время позитивное право – гибкий и динамично развивающийся институт, и именно анализ и изучение иерархии правовых норм позволяет раскрыть сущ-

ность права. Таким образом, применение принципа релятивизма способствует наиболее адекватному осмыслению научных взглядов Кельзена и его творчества.

В статье «Причинность и вменение» 1950 г., перевод которой приводится ниже, Кельзен анализирует ряд методологических различий между естественными и социальными науками, и формулирует важные различия между принципом причинности и принципом вменения, обосновывая тезис о том, что применение принципа причинности в сфере социальных и юридических наук по аналогии с естественными науками невозможно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГАНС КЕЛЬЗЕН. ПРИЧИННОСТЬ И ВМЕНЕНИЕ

Перевод с английского А. Б. Дидикина

Источник: Kelsen H. "Causality and Imputation," *Ethics* 61.1 (Oct., 1950) 1–11.

I. Обычным является разделение естественных и социальных наук как имеющих дело с двумя разными объектами: природой и обществом. Но действительно ли природа и общество два разных объекта?

Природа, в соответствии с одним из множества определений, представляет собой определенный порядок вещей, или систему элементов, связанных друг с другом как причина и следствие, то есть в соответствии со специфическим принципом, именуемым «причинность». Так называемые «законы природы», которыми наука о природе описывает свой объект, в частности, утверждение, что если металлическое тело нагревается, оно расширяется, апеллируют к этому принципу. Отношение между нагреванием и расширением в нашем примере – это причина и следствие.

Если социальная наука отличается от естественной науки, описание ее объекта должно происходить в соответствии с принципом, отличным от причинности. Общество – это порядок человеческого поведения. Но не существует достаточного основания, чтобы не рассматривать человеческое поведение как элемент природы, то есть как определяемое законом причинности, и в той мере, в какой человеческое поведение понимается как определенное законами причинности, наука, изучающая взаимное поведение людей, таким образом, классифицируется как социальная наука, существенно не отличающаяся от физики или биологии. Однако если мы проанализируем наши предложения, касающиеся человеческого поведения, мы обнаружим, что связываем акты человеческого поведения друг с другом и с другими фактами не только и не исключительно в соответствии с принципом причинности, то есть как причину и эффект, а в соответствии с другим принципом, достаточно отличающимся от причинности, принципом, которому в науке пока еще нет общепризнанного термина. Только если возможно обосновать существование этого принципа в нашем мышлении, и его применение в науках, связанных с человеческим поведением, мы вправе рассматривать общество как порядок или систему, отличающуюся от природы, и наук, касающихся общества, и отличающихся от естественных наук.

II. Право это наиболее характерный и очень значимый социальный феномен, а наука о праве вероятно старейшая и наиболее развитая социальная наука. Анализируя юридическое мышление, я показал [1], что принцип, отличающийся от причинности, в действительности применим к правилам, которыми юриспруденция описывает закон, будь то закон в целом или конкретное распоряжение правового характера, такие как национальное право определенного государства, или международное право. Этот принцип имеет в юридических правилах функцию, аналогичную той, которую выполняет принцип причинности в естественных науках при описании природы. Правило законности, в частности, устанавливает, что если человек совершил преступление, то наказание должно быть применено к нему, или же устанавливает, что если человек не выплачивает долг по договору с ним, то исполнительное производство должно быть направлено против его имущества. В более общем виде: если деликт совершен, санкция должна быть применена. Как и закон природы, правило законности связывает элементы друг с другом. Но связь, описываемая правилом законности, в своем значении полностью отличается от причинности. Очевидно, что уголовный деликт не связан с наказанием, и гражданско-правовой деликт не связан с исполнительным производством, также как причина связана со следствием. Связь между причиной и следствием независима от действия человеческого или сверхчеловеческого существа. Но связь между деликтом и юридической санкцией устанавливается действием, или же действиями человеческих существ с помощью правотворческого акта, что означает действие, значение которого нормативно.

Такое действие может состоять в проставлении подписи, устных или написанных словах, или же в чем-то подобном. Используя фигуры речи, мы говорим, что таким нормативным действием что-либо «делается» или «создается» в том смысле, что значение акта является нормой. Если описать это значение словами нашего языка, мы говорим: значение в том, что нечто запрещено или дозволено, или, используя более общий термин, нечто должно быть или не должно быть совершено. Если мы предполагаем норму, запрещающую или позволяющую определенное поведение человека, мы можем охарактеризовать поведение, соответствующее предполагаемой норме, как правильное (хорошее), а поведение, не соответствующее предполагаемой норме, как неправильное (плохое). Если эти утверждения являются оценочными суждениями, предполагаемая норма устанавливает оценку. Если мы предполагаем норму, запрещающую или позволяющую определенное поведение человека, то мы можем определить правильное поведение как поведение, соответствующее предполагаемой норме, а неправильное поведение как несоответствующее предполагаемой норме. Далее мы можем говорить о конкретном поведении человека как подпадающем или же не подпадающем под определение правильного поведения, а, следовательно, правильного и неправильного поведения. Но оно подпадает под определение только, если соответствует предполагаемой норме. Установление значения, которым поведение соответствует или не соответствует предполагаемой норме, является оценочным суждением, а не утверждением, что конкретное действие подпадает или не подпадает под определение. Следовательно, норма не является, как иногда утверждается, определением [2], она лишь часть содержания определения, то есть определения правильного и неправильного поведения. Определение является значением акта познания. Акты, значением которых являются нормы, не будут актами познания, они – акты воли. Функция уполномоченных органов не в том, чтобы знать и описывать право, а в том, чтобы запрещать или разрешать

человеческое поведение, и таким образом творить право. Знать и описывать право – это функция науки о праве.

III. Поскольку связь между деликтом и санкцией устанавливается актами, значение которых состоит в запретах или дозволениях, или, что то же самое, в нормах, наука о праве описывает свой объект высказываниями, где деликт и санкция связаны использованием связки «должен». Я предложил именовать эту связку «вменением». Этот термин – английский перевод немецкого слова *Zurechnung*. Утверждение, что индивид *zurechnungsfähig* («ответственный») означает, что санкция может быть применена к нему, если совершен деликт. Утверждение, что индивид *unzurechnungsfähig* («вне ответственности») потому что он, к примеру, ребенок или невменяемый, означает неприменение к нему санкции в случае совершения деликта. Формулируя эту идею точнее, мы можем сказать, что в первом случае санкция связана с определенным поведением как деликт, в то время как во втором случае санкция не связана с таким поведением. Идея вменения (*Zurechnung*) как специфической связи деликта с санкцией подразумевает в юридическом суждении, что индивид является, или не является юридически ответственным за его поведение. Тем самым мы можем сказать: санкция *вменена* за деликт, но она не следствие деликта. Очевидно, что наука о праве не имеет в целом такой цели как причинное объяснение феномена, то есть предложения для описания правовой наукой ее объекта основываются на принципе вменения, а не принципе причинности.

IV. При изучении первобытного общества и в особенности примитивного менталитета я обнаружил, что тот же принцип лежит в основе первобытного человеческого восприятия природы [3]. Очень вероятно, что первобытный человек не использовал принцип причинности, чтобы объяснить природные явления, и сама идея причинности как фундаментального принципа науки о природе – достижение относительно развитой цивилизации. Для древнего человека интерпретация фактов основывается на тех же смыслах и принципах, которые определяют его отношения с братьями, иначе говоря, в соответствии с социальными нормами. Фундаментальный факт состоит в том, что если человек живет вместе с другими людьми в группе, в их сознаниях появляется идея, что некоторое поведение правильное, а некоторое нет, другими словами, что члены группы должны вести себя при определенных обстоятельствах определенным образом. Фундаментально и то, что человек в группе воспринимает взаимное поведение в соответствии с такими нормами. Самые ранние нормы человечества, вероятно, устанавливали ограничения на сексуальное влечение и стремление к агрессии. Инцест и убийство внутри группы, таким образом, самые ранние преступления, а кровная месть самая ранняя социально организованная санкция. Основой этой санкции является наиболее простой принцип, определенный социальной жизнью, – это норма о возмездии. Она включает в себя как наказание, так и поощрение. Это может быть сформулировано следующим образом: если вы ведете себя правильно, то вас должны поощрить, если же ведете себя неправильно, то должны быть наказаны, то есть зло должно быть перенесено на вас. Условие и последствия связаны друг с другом не в соответствии с принципом причинности, а в соответствии с принципом вменения. В сознании первобытного человека, нуждающегося в объяснении всего, событие, если оно причиняет вред, интерпретируется как наказание за неправильное поведение, а если пользу, то как поощрение за правильное поведение. Другими словами, вредоносные события вменены за плохое поведение, полезные события – за правильное поведение. Если такое событие произошло, первобытный человек не спрашивает: «Что

является причиной этого?», он задает вопрос: «Кто виноват в этом?» Это не причинная, а нормативная интерпретация природы, и поскольку норма о возмездии определяет взаимные отношения людей как специфический социальный принцип, мы можем именовать эту интерпретацию социо-нормативной интерпретацией природы.

Так называемый «анимизм» первобытного человека – это его представление о том, что не только человеческие существа, но и все вещи имеют душу, одушевлены, и существуют невидимые, но властные духи внутри или за пределами вещей. Это значит, что все вещи персонифицированы, и из такого взгляда следует, что вещи влияют на человека как действия человеческих существ в их взаимных отношениях, следовательно, в соответствии с нормой возмездия, принципа наказания и поощрения. С точки зрения веры первобытного человека неудача как наказание и процветание как поощрение возникают благодаря этим духам. Если такова особенность веры первобытного человека – его убежденность в наличии связи между неправильным поведением и неудачей как наказанием, с одной стороны, а правильным поведением и процветанием как поощрением, с другой стороны, – то обусловлена она тем, что человек верит в существование властных сверхчеловеческих существ, именно так управляющих природой. Сущность одушевления в персоналистической, а значит соционормативной, интерпретации природы, состоит в интерпретации, не соответствующей принципу причинности, но вполне согласной с принципом вменения.

Тем самым в сознании первобытного человека не существует такого явления, как природа в смысле современной науки, следовательно, не наблюдается порядка вещей, связанных друг с другом на основе принципа причинности. Для первобытного человека природа в контексте естествознания является частью его общества как нормативного порядка, элементы которого связаны друг с другом на основе принципа вменения. Дуализм природы как каузального, и общества как нормативного порядка, дуализм двух различных способов связи элементов друг с другом, неизвестен первобытному сознанию. То, что такой дуализм существует в мышлении цивилизованного человека, это результат интеллектуальной эволюции, на протяжении которой различие между человеческими и иными существами, между лицами и вещами – различие, неизвестное первобытному человеку, – уже установлено, равно как и причинное объяснение отношений между вещами независимо от нормативной интерпретации отношений между людьми. Современная наука о природе является результатом отделения от социальной интерпретации природы, а, следовательно, и от одушевления. Это может показаться парадоксальным, однако для первобытного человека существовало только общество (как нормативный порядок), а природа (как каузальный порядок) создана наукой после того, как природа была отделена от одушевленного мира. Инструментом такого отделения является принцип причинности.

V. Вероятно, принцип причинности произошел из нормы о возмездии. Это результат трансформации принципа вменения, в котором норма о возмездии за неправильное поведение связана с наказанием, а за правильное поведение – с поощрением. Этот процесс трансформации начался в философии природы античной Греции. Не случайно греческое слово «причина», *aitia*, в оригинале означает вину, то есть причина ответственна за следствие, следствие вменено причине, также как наказание вменено за преступление.

Одной из первых формулировок закона причинности является известный фрагмент Гераклита: «Солнце не преступит собственных пределов. Иначе Эриннии, служительницы справедливости, найдут его» (22 В 3 и 94 DK). Здесь закон природы все еще

проявляется как правило законности. Если солнце не следует заданному пути, то оно будет наказано. Решительный шаг в продвижении от нормативной к каузальной интерпретации природы, от вменения к причинности был сделан тогда, когда человек понял, что отношения между явлениями – в отличие от отношений между людьми – независимы от человеческой или сверхчеловеческой воли, или, что то же самое, не определяются нормами, а действие явлений не предопределяется или не обусловлено сверхчеловеческой волей. Однако полное очищение принципа причинности от всякой примеси одушевленных, следовательно, личностных, явлений, характерных для принципа вменения, происходило постепенно. Таким образом, в частности, идея о том, что причинность означает абсолютную необходимость в отношении причины и следствия, идея, доминирующая в начале двадцатого столетия, – это определенно пережиток представления о том, что следствие с причиной связывает воля некоего Абсолюта, всемогущей власти [4].

VI. Только что установленный принцип причинности применим к человеческому поведению. Психология, этнология, история и социология – науки, имеющие дело с поведением человека как элемента природы и каузального порядка. Если наука имеет дело с человеческим поведением, то она именуется социальной наукой и несущественно отличается от естественных наук, таких как физика, биология, или психология. Их общая цель состоит в объяснении действий человека на основе причины и следствия. В какой степени они способны достичь своей цели, установленной причинными законами человеческого поведения, это иной вопрос. Разница между ними и естественными науками, не имеющими дела с поведением человека, – это лишь различие в уровне точности, а не в принципе. Такое различие существует только между естественными науками и науками, которые интерпретируют человеческие отношения не на основе принципа причинности, а в соответствии с принципом вменения, науки, имеющие дело с поведением человека не таким, каким оно реально является по причине и следствию, а таким, каким оно должно быть в согласии с нормами, то есть в сфере ценностей. Таковы нормативные социальные науки, такие как этика, теология, и юриспруденция. Они не являются «нормативными» в том смысле, что предсказывают или допускают конкретное поведение человека. Как науки они не предсказывают и не допускают, то есть не формулируют нормы социального поведения – они описывают социальные нормы и социальные отношения, установленные такими нормами. Ученый-общественник – это не публичная власть, его функция состоит в познании, а его задача – знать и понимать, но не регулировать общество. Общество с точки зрения этих нормативных наук является нормативным порядком. Человек принадлежит такому обществу, поскольку его поведение определено нормами морали, религии или правопорядка. Истинно и то, что если нормативный порядок, в особенности правопорядок, в общем и целом эффективен, то мы можем утверждать: если условия заложены в социальную норму на самом деле, последствие, которое соответствует социальной норме и должно быть, вероятно состоится, или же в случае эффективного правопорядка, что если деликт совершен, то санкция будет применена. Но сомнительно, будет ли такое утверждение иметь истинный характер в законах природы, как в случае описания следствия нагревания металлических тел. Этот вопрос, однако, может остаться нерешенным, и определенно то, что нормативные социальные науки, особенно юриспруденция, не ставят своей целью такие утверждения. Они интересны не в причинном, а во вмененном следствии между элементами их объектов.

VII. Как принцип причинности, так и принцип вменения грамматически формулируется в виде гипотетического суждения (предложения), посредством которого условие связывается со следствием. Но значение этой связи в этих двух случаях разное. Принцип причинности утверждает: если существует А, то существует (или будет) В. Принцип вменения утверждает: если существует А, то должно быть В. Принцип причинности в отношении законов природы можно проиллюстрировать уже упомянутым ранее примером о нагреве металлов: если металлическое тело нагревается, то оно расширяется (или будет расширяться). Принцип вменения по отношению к социальным законам, например, таков: если кто-то сотворил вам благо, то вы должны быть благодарны ему; или же если человек жертвует жизнью ради своего народа, то память о нем должна быть увековечена (моральные законы). Если человек совершает грех, то он должен покаяться (религиозный закон). Если человек совершил кражу, то его следует лишить свободы (юридический закон). Разница между причинностью и вменением состоит во взаимоотношении между условием, которое в законе природы представлено как причина, и следствием, которое здесь представлено как результат, независимый от человеческого или сверхчеловеческого действия. В то время как отношение между условием и следствием, которое утверждается моральным, религиозным или юридическим законом, устанавливается действиями человеческих или сверхчеловеческих существ. Это просто конкретный смысл связи между условием и следствием, выраженный термином «должен».

VIII. Другое различие между причинностью и вменением состоит в том, что каждая конкретная причина должна рассматриваться как результат другой причины и каждый конкретный результат – как причина другого результата, так что цепь причин и следствий, по определению, бесконечна. Далее, каждое конкретное событие – это пересечение бесконечного количества линий причинности. Условие, при котором следствие вменяется с помощью морального, религиозного или юридического закона, как, например, смерть ради спасения нации, которой вменяется память о заслугах; благодеяние, которому вменяется благодарность; грех, которому вменяется покаяние; кража, которой вменяется лишение свободы, и не обязательно в одно и то же время, чтобы следствие было вменено некоторым другим условием. И следствие, как, например, память о заслугах, которая вменяется за смерть ради спасения нации, благодарность, вмененная за благодеяние, тюремное заключение, вмененное за кражу, не являются необходимыми в одно и то же время условию, из-за которого следствие проявилось. Линия вменения не имеет бесконечного числа линий, как в случае с линией причинности, а содержит лишь две линии. Если мы утверждаем, что определенное следствие вменено определенному условию, например, вознаграждение за заслуги или наказание за деликт, это состояние, то есть человеческое поведение, создающее заслугу или деликт, является конечной точкой вменения. Но не существует такого явления как конечная точка причинности. Предположение о первой причине, первопричине, которая аналогична конечной точке вменения, несовместимо с идеей причинности, по крайней мере с идеей причинности, предполагаемой в законах классической физики. Идея первопричины – тоже пережиток той стадии мышления, когда принцип причинности еще не был отделен от вменения.

IX. Именно это фундаментальное отличие вменения от причинности, тот факт, что существует конечная точка вменения, но нет конечной точки причинности, создает антагонизм между тем, что называется «необходимостью», преобладающей в природе, и тем, что называется «свободой», необходимой для общества, и существенной для

человека в его нормативных отношениях с другими людьми. Для человека как части природы не быть свободным означает, что его поведение, задуманное как естественный факт, должно соответствовать закону природы и определяться другими фактами как результат причин. Но если мы интерпретируем определенное поведение человека в соответствии с моральным, религиозным или юридическим законом как заслугу, грех, или преступление, то мы приписываем последствия, определенные моральным, религиозным или юридическим законом: награда за заслугу, покаяние за грех, наказание за преступление, не вменяя заслугу, грех или преступление чему-либо или кому-либо еще. Принято говорить, что мы приписываем заслугу, грех или преступление лицу, ответственному за такое характерное поведение. Однако истинным будет значение утверждения, что заслуга вменена лицу, поскольку оно должно быть вознаграждено за его заслугу; или же истиной будет значение утверждения, что грех вменен лицу, которое должно покаяться за его грех; а также истинным будет значение утверждения, что преступление вменено лицу, которое должно быть наказано за его преступление. Вменяется не поведение человека, сотворившее заслугу, грех или преступление, так как это поведение не может быть отделено от его субъекта. Насколько обоснованно вменение, когда морально заслуженное действие представлено, а религиозный грех и юридическое преступление совершены, это в конечном итоге не вопрос о том «Кто представил или совершил эти действия?» Это вопрос факта. Моральный, религиозный или юридический вопросы вменения будут следующие: «Кто ответственный за эти действия?», а это значит «Кто должен быть вознагражден? Кто должен покаяться? Кто должен быть наказан?». Заслуга, покаяние или наказание вменены как определенное следствие определенного условия, но именно специфического условия. И условием является как раз действие, утверждающее заслугу, грех, или преступление. Вменение награды за заслугу, покаяния за грех, наказания за преступление, является следствием вменения личности, то есть субъекту действия, создающего заслугу, грех, или преступление, и такой субъект – неотъемлемая часть действия как акта человеческого поведения. Что является решающим во вменении в противовес причинности, так это следование к конечной цели, где поведение человека, соответствующее моральному, религиозному или юридическому закону, является условием последствий, определенных законом – условием награды, покаяния, или наказания.

Х. Подлинный смысл утверждения, что человек подвержен моральному, религиозному или правовому порядку, состоит в том, что человек свободен как член общества, то есть как моральный, религиозный или юридический субъект. Свобода, как правило, понимается в качестве освобождения от принципа причинности, а причинность (как было первоначально) интерпретируется в значении абсолютной необходимости. Обычно говорят так – ввиду того, что человеческое существо свободно (или имеет свободную волю), оно с обычной точки зрения не подвержено причинным законам, определяющим его поведение, и к нему применяется моральное, религиозное или юридическое вменение. Только потому, что человек свободен, он может быть ответственным за свои действия, или может быть награжден за заслуги, ожидаемо раскаиваться за грехи, а также может быть наказан за преступление. Обычно предполагается, что только его свобода, и его освобождение от принципа причинности, делает вменение возможным. Однако все наоборот. Человеческие существа свободны, потому что мы вменяем награду, покаяние или наказание как следствие человеческого поведения как условия, вместо его детерминации причинными законами, потому что человеческое поведение – конечный пункт вменения.

XI. Напрасны многие попытки сохранить «свободу воли» предполагаемым фактом, что человеческая воля не определяется законом причинности. Если она поддерживается тем, например, что мы познаем эту свободу внутренним опытом [5], то такой опыт – иллюзия. Не менее ошибочным, чем этот психологический аргумент, является утверждение о том, что логически невозможно применять закон причинности к человеческой воле в той мере, в какой эта воля будет частью своего собственного эго, и эго как субъекта познания, недоступного для любого, в том числе и причинно-следственного познания [6]. Человеческая воля – психический феномен, и таким образом доступна психологическому исследованию, как и любой другой психический феномен, путем наблюдения одного собственного психического опыта, а также путем наблюдения психического опыта других. Такое наблюдение может руководствоваться не каким-либо иным принципом, а именно причинностью. Утверждение, что человеческая воля свободна, имеет смысл, только если речь идет о воле как объективном психическом феномене, или эго как объекте, но не эго как предмете познания. Такое эго как предмет познания не доступно причинно-следственному познанию, что является верным, но оно составляет тавтологию, потому что предмет познания не является объектом познания.

В современной физике бывший абсолютным срок действия закона причинности столкнулся с некоторой критикой. Определенные феномены, как, например, рассеяние отдельного электрона в кристалле, были интерпретированы как не определенные законом причинности. Даже если эта интерпретация верна, это не могло бы быть аргументом, что человеческая воля как отдельный электрон освобождена от закона причинности. Ситуации в двух случаях совершенно разные. Кроме того, утверждение, что человеческая воля свободна, правильно понимаемое, не относится к царству естественной реальности, где происходит отражение электронов, а относится к сфере действия нормативного морального и юридического порядка, и оно содержит не просто отрицательный смысл, что человеческая воля не будет определяться причинно-следственной связью, но и положительный смысл, что человек – конечная точка вменения.

XII. Если поведение человека для того, чтобы быть возможным предметом вменения, должно рассматриваться как свободное от закона причинности, причинность и свобода будут действительно несовместимы. Поэтому конфликт между школой детерминизма и школой индетерминизма кажется непреодолимым. Тем не менее такого конфликта нет, если понять истинный смысл утверждения, что человек как моральное, религиозное, или юридическое лицо является свободным. Мнимое противоречие между необходимостью, сложившейся в природе в соответствии с принципом причинности, и свободой, сложившейся в обществе в соответствии с принципом вменения, теряет свою остроту, правда, только если смысл причинности от абсолютной необходимости свести к простой вероятности. Но даже если причинность означает абсолютную необходимость, а вменение свободу, одно никоим образом не исключает другое. Нет никакого противоречия между так называемым «детерминизмом» и «индетерминизмом» [7]. Там нет ничего, что мешает осознанию человеческого поведения с помощью двух различных схем интерпретации. Если интерпретировать поведение человека в соответствии с законами природы, то есть рассматривать его как часть природы, то его действие должно оцениваться как результат, определенный предшествующими причинами. С точки зрения этой интерпретации нет такого понятия как свобода в смысле освобождения от причинности, где причинно-следственная связь означает абсолютную необходимость или просто вероятность.

Можно, однако, интерпретировать поведение человека в соответствии с социальными нормами, то есть моральными, религиозными, или юридическими законами, без предположения, что такое поведение освобождается от причинности. Индетерминист серьезно полагает, что преступник не будет наказан и герой не будет вознагражден, потому что совершение преступления и представление подвига причинно определены. Он соглашается с наказанием преступника и с награждением героя, то есть с вменением наказания за преступление, а награды за подвиг, несмотря на то, что преступление, как и подвиг, определяются законом причинности. Наказание и награда предусмотрены только в том смысле, что, как предполагается, страх наказания может причинно побудить людей воздерживаться от совершения преступления, а желание награды может причинно побудить человека совершить подвиг. Вменение наказания и награды предполагает допущение возможной причинно-следственной зависимости человеческого поведения. Если человек свободен, то он конечная точка вменения, а причинность не только не противоречит вменению, подразумевающему свободу, но и означает регулирование человеческого поведения нормами, соединяющими награду с заслугой и наказание с преступлением, что на самом деле принцип причинности предполагается таким регулированием, составляющим вменение и таким образом свободу человека.

Чтобы согласовать идею свободы, преобладающую в обществе как нормативном порядке, с законом причинности, преобладающим в природе как каузальном порядке, не стоит прибегать к метафизическо-религиозному представлению, которое лежит в основе индетерминизма. Такое примирение возможно в области рациональной науки, если мы признаем вменение как принцип, отличающийся от причинности, представленный в социальных науках, но аналогичный достижениям естественных наук. Это кажется удачным решением старой проблемы, растворением обманчивой проблемы о якобы неразрывной антиномии между естественной необходимостью и социальной свободой. То, что кажется противоречием между двумя философиями, принципиально отличающимися и непримиримыми друг с другом, то есть рационально-эмпирическим и метафизическим взглядами на мир, является на самом деле параллелизмом двух разных способов познания, рационального и эмпирического, двух различных методов, когда познание соединяет элементы его объектов друг с другом, в одном из которых полностью совместимо другое – дуализм причинности и вменения.

XIII. Принцип вменения – это термин, используемый в своем первоначальном значении как соединение двух актов человеческого поведения друг с другом, поведения одного индивида с поведением другого, как, например, в моральном законе, предусматривающем вознаграждение в случае заслуги, либо в юридическом законе, предусматривающий наказание в случае преступления; а также соединения поведения одного индивида с другим поведением того же самого индивида, как, например, в религиозном законе, предусматривающем покаяние в случае греха. Во всех этих случаях поведение человека предписано социальной нормой и обусловлено поведением человека. Состояние, также как следствие, является актом человеческого поведения. Но социальные нормы могут относиться не только к человеческому поведению, но и к другим фактам. Социальная норма может предписывать или запрещать определенное поведение, которое имеет определенный эффект, и в то же время социальная норма может предписывать или запрещать поведение индивида, обусловленное не только поведением того или иного индивида, но в большей степени и фактами, нежели поведением. Есть даже нормы, предписывающие человеческое поведение на основе только

таких фактов. Если, например, социальная норма запрещает убийство, то есть умышленное убийство, значит запрещено поведение индивида, которое приводит к смерти другого индивида. Поведение убийцы точно такое же, как и поведение человека, который пытается убить другого, но его попытка не имеет желаемого эффекта. Различие, существующее между убийством и лишь попыткой убийства, состоит не в различии поведения правонарушителей, а в различии результата их действий. В одном случае есть смерть человека как результат, а в другом случае его нет, и смерть не является поведением человека, а лишь физиологическим процессом. Норма может предписывать, что если человек причиняет своим поведением материальный ущерб другому, то он должен возместить ущерб; или же норма первобытной религии может предусматривать, что в случае эпидемии человеческие жертвоприношения должны быть принесены богам. Ущерб и эпидемия не являются фактами, характерными для человеческого поведения.

Кроме того, следует отметить, что нормы могут относиться к индивидам независимо от их поведения. Санкции, предусмотренные правовыми нормами, должны быть направлены против индивидов. Но нет такого поведения индивида, против которого санкция направлена, и оно может быть условием применения санкции. Это случай, когда индивид или индивиды ответственны за деликт, совершенный другим, особенно если установлена коллективная ответственность; то есть индивиды должны быть наказаны не потому, что они совершили деликт, а потому, что принадлежат к группе, в которой состоит преступник. В этих случаях индивид, против которого санкция направлена, является лишь объектом поведения других индивидов, то есть индивидов, которые исполняют санкцию. Ответственность индивида не является предметом какого-либо юридически соответствующего поведения.

XIV. Если в утверждении, что при определенных условиях имеет место определенное поведение, эти условия являются не только поведением человека, либо если связь между обуславливающим фактом и обусловленным человеческим поведением обозначается как вменение, то этот термин используется в более широком смысле, чем это было изначально. Следствию вменяется не только человеческое поведение, а это означает в выражении обычной терминологии, что следствие вменяется не только индивиду, но и фактам и обстоятельствам.

Есть даже социальные нормы, которые, кажется, предписывают безусловное, либо, что сводится к тому же, определенное человеческое поведение. Это нормы, предусматривающие бездействие, в частности, моральные нормы – вы не должны лгать, не должны убивать, вы не должны прелюбодействовать, и тому подобное. Если эти нормы реально имеют характер категориальных норм, то было бы невозможно описать социальную ситуацию, установленную этими нормами, в контексте связи двух элементов условия и следствия; тогда принцип вменения неприменим. Но социальные нормы, предписывающие бездействие, не являются категориальными нормами. Эти позитивные действия не могут быть предписаны безусловно, потому что определенное действие может быть выполнено только при определенных условиях, что самоочевидно. Но и бездействие не может быть предписано безоговорочно. В противном случае оно может быть не выполнено или скорее всего нарушено, что неприемлемо. Человек не может лгать, совершать кражу, убийство, или прелюбодеяние всегда и везде, но только лишь при определенных обстоятельствах. Если моральные нормы предписывают безусловное бездействие, то есть категорически в виде обязательств, индивид будет выполнять эти обязательства и во сне как идеальном состоянии с точки зрения

морали. Условие, при котором воздержание от действий предписано нормами, является общей суммой всех обстоятельств, в соответствии с которыми действие возможно. Кроме того, в эмпирическом обществе не существуют никаких запретов без исключений. Даже наиболее фундаментальные нормы, такие как не лгать, не убивать, не забирать имущество человека без его согласия, действительны только с серьезными ограничениями. Существуют обстоятельства, при которых человеку запрещается лгать, убивать, отнимать имущество у другого человека без его согласия. Это показывает, что все социальные нормы, а не только те, что предписывают положительные действия, но и предписывающие бездействие, обеспечивают определенное поведение только при определенных условиях, и любая норма устанавливает между двумя элементами связь, которая может описываться утверждением о том, что при определенных условиях результат должен быть. Это грамматическая форма принципа вменения, в отличие от причинности.

Университет Калифорнии

Примечания

1. См. *General Theory of Law and State* (1945), pp. 45 ff. and 92.
2. См. Felix Kaufmann, *Methodology of the Social Sciences* (1944), pp. 48 ff.
3. См. *Society and Nature* (1943), pp. I ff.
4. См. *Society and Nature*, pp. 249 ff.
5. Max Planck, *Kausalgesetz und Willensfreiheit* (1923), p. 5.
6. Planck, *op. cit.*, p. 45: «Существует точка, единственная точка, в большом и неизмеримом мире природы и разума, которая практически и логически есть и всегда будет недоступна каждой науке, а, следовательно, и каждому причинному рассмотрению. Этой точкой является собственное эго».
7. Planck, *Determinismus oder Indeterminismus* (1938), pp. 14 f.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонов, М. В. (2010) «Чистая теория права Ганса Кельзена – 50 лет спустя», *Российский ежегодник теории права* 3, 812–825.
- Антонов, М. В. (2011) «Чистое учение о праве: варианты перевода и интерпретации», *Российский ежегодник теории права* 4, 499–510.
- Афонасин, Е. В., Дидикин, А. Б. (2006) *Философия права*. Учебное пособие. Новосибирск, НГУ.
- Дидикин, А. Б., Оглезнев, В. В. (2012) *Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция*. Новосибирск.
- Краевский, А. А. (2009) «Чистое учение о праве Ганса Кельзена в ранний американский период», *Российский ежегодник теории права* 2, 429–432.
- Краевский, А. А. (2010) «Чистое учение о праве Ганса Кельзена и аналитическая философия», *Российский ежегодник теории права* 3, 790–812.
- Кельзен, Г. (1987) *Чистое учение о праве*. Сборник переводов. Т. 1–2. Москва, ИНИОН.
- Кельзен, Г. (1999) «Динамический аспект права», *Конституция и власть. Сб. трудов*. Москва.
- Кельзен, Г. (2004) *Чисте правознавство. З додатком «Проблема справедливості»*. Київ.
- Кельзен, Г. (2006) «Судебная гарантия Конституции (конституционная юстиция)», *Право и политика* 8, 5–14 и 9, 5–18;

- Кельзен, Г. (2009) «Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция», *Российский ежегодник теории права* 2, 432–454.
- Кельзен, Г. (2014) «Абсолютизм и релятивизм в философии и политике (1948, перевод с англ. А. Б. Дидикина)», *Гуманитарные науки и модернизация правовой системы государства: российский и зарубежный опыт. Труды III Международной конференции*. Новосибирск, 2014, 191–200.
- Кельзен, Г. (2015) *Чистое учение о праве, справедливость и естественное право*. Пер. с англ., нем., фр.; сост. и вступ. ст. М. В. Антонова. Санкт-Петербург, Издательский дом «Алеф-пресс».
- Коваль, Д. (2014) «Международно-правовые идеи Ганса Кельзена и современные политико-правовые процессы в Украине», *Український часопис міжнародного права* 1–2, 68–72.
- Оглезнев, В. В., Суровцев, В. А. (2014) «Правила, юридический язык и речевые акты», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 8.2, 293–303.
- Оглезнев, В. В. (2014) «Концептуальный анализ в философии права: границы применимости», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 8.2, 303–311.
- Познер, Р. (2010) «Кельзен, Хайек и экономический анализ права» (перевод под научной редакцией М. В. Антонова), *Российский ежегодник теории права* 3, 181–208.
- Kelsen, H. (1941) "Recognition in International law: Theoretical observations," *The American Journal of International law* 35.4, 607–608.
- Kelsen, H. (1950) "Causality and Imputation," *Ethics* 61.1, 1–11.
- Kelsen, H. (1951) "Science and Politics," *The American Political Science Review* 45.3, 645–665.
- Kelsen, H. (1955) "Foundations of Democracy," *Ethics* 66.1, 1–101.